

Мы мечтали о сильной Германии, с которой бы считался весь мир, – но не боясь ее, а восторгаясь ею. Гитлер обещал нам осуществить эту мечту.

Мечты в политике крайне опасны. Они не позволяют мечтателю видеть, что происходит на самом деле. Гитлер раздул нашу заветную мечту до фанатичной страсти, и мы слепо последовали за ним. «Вы полностью в моей власти», – констатировал он однажды.

И в этой преданности ему мы растеряли самостоятельность своей совести.

Мелита Мацманн

Melita Maschmann

FAZIT

**MEIN WEG
IN DER HITLER-JUGEND**

Мелита Машманн

ИТОГ

**МОЙ ПУТЬ
В ГИТЛЕРЮГЕНДЕ**

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Гем)-44
М38

Melita Maschmann
FAZIT. MEIN WEG IN DER HITLER-JUGEND

Перевод с немецкого Марианны Бузоевой

Машманн Мелита

М38 Итог. Мой путь в гитлерюгенде / Мелита Машманн ; [перевод с нем. М. Д. Бузоевой]. — Москва : Колibri : Азбука-Аттикус, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-389-25175-5

«Не бойся, я не хочу оправдываться. Злой рок, предопределяющий развитие событий, не исключает личную вину. Я надеюсь, смею надеяться, что ошибочным и даже скверным поступкам, о которых я обязана рассказать, постепенно найдется не прощение, а понимание...» — написано в одном письме.

Продитированный фрагмент взят из книги «*Fazit. Mein Weg in der Hitler-Jugend*» («Итог. Мой путь в гитлерюгенде»). Автор книги — Мелита Машманн, бывшая в годы нацизма референтом отдела прессы и пропаганды Союза немецких девушек. Книга написана в форме письма бывшей школьной подруге, еврейской девочке, находившейся в силу известных обстоятельств по другую сторону колючей проволоки.

Мемуары подробно описывают путь социально сознательной, хорошо образованной девушки из среднего класса, которая присоединяется к гитлерюгенду, руководит выселением польских фермеров с их земель и работает в высших эшелонах нацистской прессы и пропаганды. В Германии книга выдержала восемь изданий и изучалась в школах. Историки нацизма использовали ее в качестве первоисточника. Мелита Машманн умерла в Германии в 2010 году. Она никогда не была замужем, и у нее не было детей.

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-389-25175-5

© Бузоева М. Д., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024
Колibri®

Введение

Это второе письмо, которое я пишу тебе с момента нашей последней встречи двадцать пять лет назад. Первое я написала в 1948 году, вскоре после моего освобождения из лагеря для интернированных. Я не знаю, видела ли ты его. Оно было переправлено твоей маме. Она мне сообщила, что живет в Нью-Йорке. С тех пор я постоянно с тобой разговариваю — во сне и наяву, хотя больше не пыталась записать хоть что-нибудь.

Сегодня что-то заставляет меня писать. Внешний повод — совершенно пустяковый: на улице ко мне обратилась незнакомая женщина. В какой-то момент она повернула голову, и то, как она это сделала, очень отчетливо напомнило мне тебя. Но что же послужило причиной того, что вот сейчас, сразу, вернувшись домой, я села за письменный стол?

Возможно, за это время что-то невольно накопилось в душе, во мне вызрел итог, и теперь его нужно как-то зафиксировать. Какой же путь пришлось преодолеть и вам, и нам, пройдя через самое горнило человеческой катастрофы, — с того момента, когда за доверие я отплатила тебе равнодушием и даже враждебностью.

Последние десять лет я много размышляла о том, действительно ли это был мой собственный путь. Это

переосмысление ни в коей мере не отменяет произошедшего. Но, может быть, в будущем оно позволит кому-то заранее распознать затаившуюся несправедливость и не дать ей повториться.

Я хотела бы еще раз попытаться осознать результат моих размышлений о прошлом — представляя тебя рядом. Твое присутствие, пусть даже и мысленное, поможет мне выражаться точнее, чем если бы я это делала, оставшись наедине с собой. Но готова ли ты вообще следовать моей мысли? Не считаешь ли ты меня навязчивой?

Не думай, я не хочу оправдываться. Злой рок, предопределяющий развитие событий, не исключает личную вину, я это знаю. Но я надеюсь, смею надеяться, что постепенно, шаг за шагом, для тебя окажется возможным найти — не прощение, нет — понимание тех заблуждений и даже злодеяний, о которых я собираюсь поведать; это понимание могло бы положить начало продолжительному диалогу.

Глава 1

30 января 1933 года! Мы обе застали тот день в Берлине, хотя тогда еще и не были знакомы. Ты пришла к нам в класс только на Пасху. Какие воспоминания остались у тебя о «дне захвата власти», я не знаю. Но полагаю, что более мрачные, чем у меня.

В тот день наша семейная портниха собиралась перешить на меня мамино платье. Примерки я не любила, но к портнихе относилась хорошо. Хромота и горб выделяли ее из числа других знакомых, я чувствовала какую-то связь между ее физической особенностью и тем, что она сама называла своими «социалистическими воззрениями».

Мой письменный стол — мне тогда едва исполнилось пятнадцать лет — стоял рядом с ее швейной машинкой. Иногда, когда мама оставляла нас вдвоем, портниха рассказывала о своей политической деятельности. На лацкане ее пальто, с изнаночной стороны, сколько я ее помню, была прикреплена металлическая свастика.

В этот день она в первый раз пристегнула ее открыто, выставив на всеобщее обозрение. Ее глаза блестели, когда она говорила о победе Гитлера. Мама была крайне недовольна: увлечение необразованных людей политикой она считала большой дерзостью.

Принадлежность этой женщины к разряду «маленьких людей» и делала ее чрезвычайно привлекательной для меня. Я чувствовала, что меня притягивает к ней по той же самой причине, по которой я иногда внутренне вставала на сторону нашей прислуги — против своей матери.

Сегодня я знаю, что очень рано сформировавшееся во мне неприятие буржуазного высокомерия, снобизма, в чем бы оно ни выражалось, подпитывалось протестом против авторитарных методов воспитания моей матери. От нас, своих детей, она требовала такого же беспрекословного послушания, как от прислуги или от водителя отца. Своей авторитарностью она вытолкнула меня, ребенка, в оппозицию, которая, с одной стороны, была обусловлена связанными с взрослением внутренними причинами, а с другой стороны, была направлена против «буржуазности» моих родителей.

На вопрос, что заставляло молодых людей становиться национал-социалистами, есть много ответов. Возможно, определенную роль играл конфликт поколений и совпадение по времени захвата власти Гитлером с определенной стадией нашего взросления. В случае со мной решающим моментом было то, что я хотела избрать другой путь, отличный от консервативного, предписанного мне нашей семейной традицией. В устах моих родителей слова «социальный» и «социалистический» приобретали презрительный оттенок. Они произносили их, когда возмущались дерзостью горбатой портнихи, которая хотела заниматься политикой.

30 января 1933 года портниха объявила, что наступают времена, когда прислуге больше не придется есть за кухонным столом. У моей матери всегда было безупречное отношение к своим сотрудникам, но соседство за столом с прислугой казалось ей абсурдным.

Ни одна идея не привлекала меня так сильно, как идея народной общности*. Впервые я услышала об этом от искалеченной и испытавшей много страданий портнихи, а вечером 30 января идея народной общности заиграла магическим блеском. Форма этой первой встречи обусловила ее содержание: мне казалось, что превратить народную общность в реальность было возможно только в борьбе с классовыми предрассудками социального слоя, выходцем из которого была я сама, и что народная общность в первую очередь должна была бы обеспечить защиту и право слабым. С этим фантастическим идеалом я связывала надежду на то, что состояние, когда люди всех слоев будут сосуществовать друг с другом, словно братья и сестры, станет реальностью.

Вечером 30 января родители взяли нас — моего брата-близнеца и меня — с собой в центр города. Там проходило факельное шествие: национал-социалисты праздновали победу. С той ночи во мне укоренилось ощущение чего-то масштабного, грандиозного. Чеканный шаг, мрачная торжественность красных и черных знамен, мерцающий отсвет факелов на лицах и песни с подстегивающими и сентиментальными мелодиями одновременно.

Колонны проходили мимо маршем на протяжении нескольких часов. В их рядах появлялись группы мальчиков и девочек, которые едва ли были старше нас. Их серьезные лица, безупречная осанка заставили меня стыдиться. Что я такое? Из-за сдержанности и осмотрительности родителей мне позволено всего лишь стоять на обочине и с пробегающим по спине холодком наблюдать

---

* «Народная общность», «народное единство» (нем. Volksgemeinschaft) — идеологическое клише нацистской пропаганды. Символизирует сплочение нации во имя достижения общей цели. Впервые возникло во время Первой мировой войны. Наибольшее распространение получило как часть государственной пропаганды в Третьем рейхе. — *Прим. перев.*

за происходящим? Кто я? Не более чем случайный свидетель, ребенок, которому на Рождество еще дарят детские книги. А я сгорала от желания броситься в этот людской поток, быть захваченной им, сгинуть в нем.

Вспомни, насколько болезненным был в то время и твой поиск чего-то важного, существенного. Позже мы вместе искали его во время наших бесконечных бесед. В этом возрасте жизнь, складывающаяся из домашних заданий, прогулок с семьей и празднований дней рождения, кажется убогой, постыдно бедной, никчемной. Никто не подозревает, что человека интересует нечто большее, чем эти пустяки. Никто не скажет: ты нужен для грандиозных свершений, присоединяйся! Тебя не принимают в расчет, когда речь заходит о серьезных вещах.

Но марширующих в колоннах мальчиков и девочек принимали в расчет. Они, как взрослые, несли знамена с начертанными на них именами павших за дело национал-социализма.

Вдруг кто-то выскочил из колонны марширующих и набросился на мужчину, который стоял всего в нескольких шагах от нас. Может быть, этот человек позволил себе какое-то недоброжелательное замечание. Я видела, как он упал; его лицо было залито кровью, он кричал. Родители быстро оттащили нас подальше от этой потасовки, но окровавленного человека мы все же увидели. Эта картина потом несколько дней стояла у меня перед глазами.

К ужасу, который она мне внушала, примешивалось мизерное упоительное, дурманящее желание. «Умереть хотим за знамя», — пели люди с факелами. Речь шла о жизни и смерти. Не об одежде и пропитании, не о школьных сочинениях, а о жизни и смерти. За кого? И за меня тоже? Не знаю, задавала ли я себе тогда этот вопрос, но я знаю, что меня переполняло жгучее желание принадлежать к числу тех, для кого речь шла о жизни и смерти.

Пытаясь понять, почему я с таким энтузиазмом вступила в гитлерюгенд, нашла вот это объяснение: мне поскорее хотелось вырваться из своей детской, тесной жизни, хотелось примкнуть к чему-то грандиозному, значительному. Это самое желание испытывали многие другие сверстники.

Сложнее объяснить, как этот порыв нес меня двенадцать лет, до 1945 года. То, что я так долго цеплялась за национал-социализм, связано с переживаниями из моего раннего детства. Странно: «социалистическая» тенденция, выраженная в названии этого «течения», притягивала меня, потому что подпитывала чувство оппозиции к моему консервативному родительскому дому. В противоположность этому национальная тенденция стала для меня значимой, поскольку соответствовала духу, который пронизывал меня с раннего детства.

Чтобы было легче понять, как национальные чувства и мысли с самого раннего возраста определяли мою жизнь, расскажу о своем детстве чуть подробнее, хоть это может показаться излишним для повествования. Но мои детские переживания были переживаниями целого поколения, подраставшего в буржуазной среде с правыми убеждениями. Из этого поколения в дальнейшем вышли руководящие кадры национал-социалистического «движения» и вермахта.

Мои родители всегда читали газеты от корки до корки. За завтраком они обсуждали политические новости. Еще до таблицы умножения мы с братом усвоили, что бывают правые и левые партии и что родители были членами Немецкой национальной народной партии. Каждый месяц к ним за взносами приходила «политическая женщина». Это прозвище дал ей мой брат-близнец. Она была из обедневших дворян, и уже поэтому у нас, детей, вызывала живой интерес. Она всегда была в старомодном костюме для верховой езды, и она пронзительным

голосом возмущалась из-за утраты своей восточногерманской родины. В ее сетованиях было почти все, что наша мама говорила о политических проблемах.

Позже мне так и не представилось случая спросить маму, не пыталась ли она с самого раннего детства планомерно воспитывать нас политически; многое говорит о том, что это было так. Германию она любила так же беззаветно, как свой родной город и своих родителей. Но это была любовь безрадостная. Она внушала нам, что Германия проиграла войну, хотя более отважных солдат нет ни в какой другой стране. Навязанный Германии постыдный мирный договор разорвал границы, экономика разваливалась от репарационных выплат бывшим врагам. Культура была подчинена иностранному влиянию. Германия бедна и смертельно больна.

Задолго до того, как я научилась распознавать причинно-следственные связи, задолго до того, как осознала значение слова «Германия», я любила ее как что-то овеянное таинственной печалью, бесконечно дорогое и находящееся в опасности.

Мы с братом еще не ходили в школу, когда мама впервые взяла нас с собой в свои родные места. Тогда Рейнская область была оккупирована французами. В поезде мы в первый раз увидели темнокожих солдат. При их виде меня охватил страх. Мы с братом убежали в пустое купе. Не помню, какими словами мама успокаивала нас, но в памяти остался такой ужас, будто все бедствия Германии воплотились в этих чернокожих мужчинах.

Нам шел седьмой год. Однажды родители подняли нас с братом среди ночи и принесли в столовую, где стоял радиоприемник. Была полночь. В этот час начался вывод оккупационных войск из Рейнской области. Родители надели наушники на наши взъерошенные головы. Слышите? Это колокола Кельнского собора. Англичане уходят. Время оккупации завершилось. Наша родина опять свободна.

В наушниках что-то страшно грохотало. В глазах у родителей стояли слезы, а наши детские сердца наполнились представлением, что Германия — это, должно быть, страшная и прекрасная тайна.

Нам было десять лет, когда мы с братом и вместе с другими нарядно одетыми людьми на протяжении нескольких часов стояли у окна в какой-то гостинице на улице Унтер-ден-Линден и ждали, когда под нашими окнами проедет старик с мощным, седым квадратным черепом, с чувством собственного достоинства раскладываясь в приветствиях. Отмечали восьмидесятилетие Гинденбурга. Нам дали букеты фиалок, мы должны были бросить их этому старику. Мы слышали, как издалека, нарастая, приближалась лавина ликования. Под нашим окном кто-то запел «Германия, Германия превыше всего». Старый человек в машине был, как мы поняли, кем-то вроде отца для всех немцев. Многие люди надеялись, что он выведет наш народ из нужды. Нужда была следствием проигранной войны.

Теперь, по прошествии многих лет, мне кажется, что в детстве у меня не было другой, более часто, страстно и серьезно обсуждаемой темы, кроме мировой войны. Это была вторая тайна, окутанная печалью и плачем, в толкование и разгадывание которой мы вращались постепенно, но ее горечь пропитала нашу душу и наше сознание с того самого момента, когда они стали открываться миру. Велась война за Германию, и она была проиграна. Но что это означало?

Помню, как однажды была на работе у папы в туристическом бюро. Напротив меня сидели два иностранца и долго о чем-то беседовали. Тогда я подумала: а что, если иностранцы, такие, как эти двое, чьего языка я не понимаю, захотят вторгнуться в нашу страну и завоевать ее? Если так, то всех чужестранцев надо бояться и ненавидеть. Они не дошли до Берлина, но взрослые постоянно

жалуются, что они отхватили куски нашей территории. Они убили большое количество немецких мужчин, пытавшихся помешать иностранцам разворовывать нашу страну. И поскольку убили их слишком много, войну мы проиграли.

Эти представления постепенно обрастали мясом и наливались кровью. Когда соседский мальчик умер в больнице и больше не вернулся играть с нами, мы поняли, что это значит, когда мужчины погибают на войне. Жестоко убиты враждебными людьми, как серая кошка, которую убил портье за то, что она воровала его цыплят.

В ящичке стола среди моих «драгоценностей» долго лежала фотография из книги о войне. Один из моих старших братьев ее выбросил, а я ее «распотрошила». Пять солдат у холмика, с опущенными головами, в руках — стальные шлемы. Над холмиком возвышается деревянный крест. Я и сегодня помню подпись: «Второй слева погиб на следующий день».

«Солдаты молятся за павшего товарища, — объяснила мне мама. — Он пал за Германию. Они его похоронили».

Мой брат сказал: «Мы тоже сделали могилу для ласточки рядом с садовым домиком. Она мертвая лежала утром возле забора». Было ужасно держать ее в руках. Что-то, что раньше было живым, теперь окоченело и стало неподвижным, как камень. Ужас застыл в руке на несколько дней.

А как же мертвый человек? Невообразимо! Например, брат. Вот он стоит рядом с тобой, и вдруг — мертвый, окоченелый, неподвижный, как камень? Его опустят в землю, песок будет сыпаться ему в глаза и уши...

Изображение молящихся солдат притягивало и пугало одновременно. Две скрытые в нем большие тайны — Бог и смерть — переплетались с третьей — с Германией!

Постепенно формировались более конкретные представления. Из политических разговоров родителей за завтраком,

навеянных газетными статьями, мы узнавали об актуальных проблемах. Например, об исходе выборов, о чрезвычайном положении, о переговорах с прежними врагами.

Один из моих старших братьев обучил меня первой фразе на латинском языке, которую он сам должен был запомнить: «*Inter filios agricolae semper discordia erat*»*. Он объяснил мне значение этих слов, я их поняла. Они отпечатались как аллегорическое обозначение вечного разногласия мужчин в Рейхстаге, вершащих судьбу немецкого народа.

Мои родители не смогли оценить по достоинству развернувшуюся отчаянную борьбу за спасение демократии. Взрослые в то время постоянно ругались и спорили исключительно из-за непрекращающейся грызни в парламенте. И наконец поняли, что хаос там царит из-за того, что в Германии слишком много партий, которые пытаются перебороть друг друга, ведя нечестную игру, в прямом смысле слова — вплоть «до поигрывания ножами». Сейчас мне кажется, что не проходило и дня, чтобы мама не зачитывала нам из утренней газеты сообщение об очередном политическом убийстве.

Были все основания стыдиться происходящего. Женщина в старом костюме для верховой езды сказала: «Раньше, во времена кайзера, немцы так сильно не ругались. Тогда можно было гордиться, что ты немец. А сегодня избранные представители народа кидают друг в друга чернильницами...»

К нищете, на которую ежедневно сетовали взрослые, добавилась и безработица. Невозможно было вообразить, что четыре, пять или даже шесть миллионов человек не имели работы. Население Берлина насчитывало четыре миллиона жителей. Это был самый большой город

---

* Сыновья одного крестьянина постоянно спорили друг с другом.

в Германии. Это как если бы у всех семей в Берлине не было и краюшки хлеба...

На входной двери у нас висела табличка « Попрошайничать и торговать запрещается». Но были дни, когда не проходило и часа без грустных концертов шарманщиков или уличных музыкантов. В дверь часто звонили попрошайки. Даже на мгновение невозможно было отвлечься и забыть, что мы родились в бедной стране.

Я хорошо помню один эпизод, связанный с безработицей. Сын знакомых иногда лежал пьяный на заднем дворе, потому что отец не пускал его в дом. Наша служанка говорила: «Опять он за одну ночь пропил все пособие по безработице». (В действительности такое поведение было несвойственно безработным, но это не играет никакой роли.) Однажды мы услышали истошный вопль его матери. Он кухонным ножом вскрыл себе вены. Я видела его за несколько часов до этого — босого, в потрепанной шинели, с маленькой собачкой на руках.

Список таких происшествий можно продолжать бесконечно. Ты возразишь, что моя память избирательно выхватывает какие-то воспоминания и факты. Все верно. Но эти случаи врезались в память, поскольку они вписывались в схему политических воззрений моих родителей. Они не приняли Веймарскую республику. Сознательно или неосознанно, они направляли наш взгляд на факты, позволявшие дискредитировать новую систему. Они сами заостряли взгляд только на промахах и не видели отчаянной борьбы людей, пытавшихся спасти республику. Бурное развитие интеллектуальных и творческих сил в те годы они также не заметили.

Все события, которые я тебе описала, исподволь готовили меня к тому зловещему и завораживающему призыву 30 января 1933 года. Я не могла ему противостоять, хотя была ребенком, и отнюдь не скороспелым. Я верила обещаниям национал-социалистов. Верила, что

они ликвидируют безработицу и, следовательно, нищету шести миллионов человек. Верила, что они смогут привести немецкий народ к единству, преодолев раскол более чем на сорок политических партий, и что смогут справиться с последствиями Версальского договора. И если в январе 1933 года моя вера опиралась только на надежду, то потом она укреплялась благодаря достаточному количеству фактов. Ты и сама это хорошо знаешь.

Я бы хотела попробовать объяснить тебе и твоим детям, с которыми ты сейчас, вероятно, начинаешь обсуждать эти вопросы, что дети класса буржуазии, которые в момент захвата власти Гитлером стояли на пороге юности, фатальным образом были готовы стать жертвой его «идей», даже если их родители относились к национал-социализму крайне враждебно. Ты мне когда-то рассказывала, что твоя сестра однажды пришла домой и сказала, что хочет вступить в гитлерюгенд. Помнишь? Благодаря этому случаю она узнала от родителей, что вы евреи.

Глава 2

Мы с братом-близнецом в течение нескольких лет с замиранием сердца смотрели на мальчиков и девочек, с которыми встречались в группах бойскаутов. По сравнению со сверстниками мы чувствовали себя обделенными, какими-то ущербными, когда в выходные были вынуждены участвовать в скучных прогулках всей семьей. Я знаю, что у тебя никогда не было желания примкнуть к какой-нибудь молодежной группе. Твоя ранняя склонность к «индивидуалистическому» была поводом для наших бесконечных споров. Ты видела, сколь важным было для твоих братьев и сестер участие в молодежной группе, и понимала мои желания, хоть никогда и не разделяла их.

Сопrotивление наших родителей постепенно ослабевало, и весной 1933 года нам разрешили вступить в молодежный союз, а именно в тот, цели которого не противоречили политическим взглядам наших родителей. Мой брат вступил в ряды немецкой национальной организации Бисмаркюгенд — как раз за несколько месяцев до ее роспуска. Я смеялась над ним из-за того, что он примкнул к «монархистам». А когда к нам заявили два человека из СА для конфискации его униформы, я не без злорадства отдала им его зеленую рубашку и фуражку. Зауженные брюки и сапоги я решила оставить: они могли

пригодиться брату в гитлерюгенде. Я была уверена, что в один прекрасный день он туда вступит.

Благодаря забавному происшествию я хорошо помню митинг в берлинском Луна-парке, где в последний раз — аккуратно перед роспуском — собрались преданные люди и друзья бисмаркюгенда. Я опоздала, но мне удалось пробраться через оцепление.

Все гости уже заняли свои места, а я семенила рядом с каким-то мужчиной, которого почтительно приветствовали присутствующие. Внешне он был поразительно похож на Фридриха Великого. После родители сказали мне, что это был «немецкий кронпринц». Я, сама того не желая, втиснулась в его сопровождение и поднялась на трибуну для почетных гостей.

Я твердо решила пойти на этот митинг в униформе Союза немецких девушек. Меньше всего мне хотелось, чтобы меня приняли за верноподданную кайзера. Моих родителей крайне удивило, что я вообще изъявила желание пойти на этот митинг, ведь истинную причину я от них тщательно скрывала. Я узнала, что мои товарищи из гитлерюгенда хотели сорвать мероприятие. Планировалось лишь «немного безобидного шума, чтобы позлить зеленую сельдь» (так мы называли мальчиков из бисмаркюгенда из-за их зеленых рубашек). К моему великому разочарованию, никакого шума не было. После я бахвалилась перед братом «нашим деликатным великодушием»: «Но в конце-то концов, это был ваш последний в истории выход!»

Мы тогда учились в 9-м классе. Одна из 12-классниц руководила группой Союза королевы Луизы. Ты вряд ли вспомнишь, что мы с тобой вместе присматривались к этой девушке, потому что мои родители хотели отправить меня к ней в группу. Но не тут-то было. Мы решили, что ученицы, которые толпились вокруг этой девушки, все до одной были «дочери высшего круга»: надменные,

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми басылым

Машманн Мелита

ИТОГ

МОЙ ПУТЬ В ГИТЛЕРЮГЕНДЕ

Редактор А. Мотина

Художественный редактор М. Левыкин

Технический редактор Л. Сеницына

Корректоры Е. Бударгина, С. Луконина

Компьютерная верстка В. Брызгаловой

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 25.03.2024.
Формат 60×88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «NewStandard».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,6.
Тираж 3000 экз. О-НІS-34164-01-Р. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» — обладатель товарного знака КоЛибри 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ — КоЛибри тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге 191024, г. Санкт-Петербург, ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14-үй, лит. А. www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.
Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

